

Хоу Защитник Государства в ярости разразился проклятиями: Этот Чжэньнань-ван — истинный мятежник и негодяй! Только потому, что Ли, глава учебного ведомства, на днях бросил ему в лицо: «Твои злодейские помыслы известны каждому встречному», он решил вот так подставить и оклеветать его!

Цзи Цзиньжун ответил: Нет.

Будь он на месте Чжэньнань-вана, он ни за что не стал бы действовать столь глупо.

Вся эта история — не более чем дешевая многоходовка, попытка убить одним выстрелом трех зайцев. Слишком низкопробная интрига, недостойная того, кто привык вершить судьбы империй, — Чжэньнань-ван подобными методами не пользуется.

Хоу Защитник Государства замер.

Цзи Цзиньжун с уверенностью повторил: Это не он.

В этот момент из-за спины Цзи Цзиньжуна донесся густой, бархатный голос: Ваше Величество проницательны.

Цзи Цзиньжун обернулся и посмотрел на мужчину, стоящего совсем рядом.

Широкие плечи, крепкая стать, суровые черты лица, бронзовая от долгой службы в армии кожа, рельефные мышцы, которые, казалось, вот-вот разорвут железный доспех — перед ним стоял тот самый Чжэньнань-ван, о котором судачили все вокруг. Рядом с ним гарцевал огненно-рыжий конь; по виду еще совсем молодой, но с горящим взором и сильными ногами — поистине великолепный скакун!

После того как Цзи Цзиньжун занял тело прежнего владельца, он несколько раз упражнялся в верховой езде и стрельбе из лука, полюбив это занятие, к которому раньше даже не смел подступиться.

В последние дни он специально узнавал побольше о лошадях — именно из-за того, что у них было несколько общих тем для разговора, Хэ Тай осмелился обратиться к нему напрямую. Вернувшись мыслями к насущным делам, Цзи Цзиньжун отвел взгляд от коня и снова посмотрел на Чжэньнань-вана.

Встретившись с ним глазами, Чжэньнань-ван слегка напрягся. Он опустился на одно колено и поклонился: Ваше Величество.

В тот миг, когда Цзи Цзиньжун увидел Чжэньнань-вана, он на секунду замер, словно перед ним стоял Вэй Тинцзюнь.

Но, увидев, как Чжэньнань-ван кланяется «ему», он пришел в себя.

Будь это Вэй Тинцзюнь, он никогда бы не склонил головы ни перед кем, кроме него самого.

Если Вэй Тинцзюнь в этом мире — не амбициозный Чжэньнань-ван, то кто он?

Цзи Цзиньжун хотел сказать «не нужно церемоний», но обнаружил, что его старая привычка заикаться вернулась, поэтому просто протянул руку, чтобы помочь ему подняться: Не стоит.

Чжансунь Мэн был поражен до глубины души.

Чжэньнань-ван слыл кровожадным тираном, от одного его присутствия бросало в дрожь даже бывалых воинов. Кто бы мог подумать, что вечно запуганный Цзи Цзиньжун осмелится подойти и помочь ему подняться! Поведение Цзи Цзиньжуна и до этого удивляло его, но сейчас у него едва не отпала челюсть.

В следующее мгновение глаза Чжансунь Мэна округлились, он лишился дара речи.

Цзи Цзиньжун тоже застыл.

Он лишь хотел сделать вид, что помогает, даже не коснувшись Чжэньнань-вана. Но тот оказался человеком прямым: его ладонь, подобно железным клещам, крепко обхватила руку Цзи Цзиньжуна, и сколько бы он ни пытался вырваться, ничего не вышло.

Когда Чжэньнань-ван выпрямился, Цзи Цзиньжун осознал, что тот выше его на целую голову — он доставал ему лишь до переносицы.

Видя, что Чжэньнань-ван не отпускает его руку, Цзи Цзиньжун прикрикнул: Дерзость!

Чжэньнань-ван разжал пальцы: Прошу прощения, Ваше Величество, я был неосторожен.

Извинения звучали искренне, но в его полном собственничества взгляде не было ни капли раскаяния. Он звонко рассмеялся: Я просто был слишком рад.

Сердце Цзи Цзиньжуна пропустило удар, в глубине души зародилось замешательство.

Чжэньнань-ван пояснил с невозмутимым видом: Рад вашему доверию, Ваше Величество.

Цзи Цзиньжун приказал Чжансунь Мэну уложить Хоу Защитника Государства на носилки и отправить к лекарям.

Заметив, что Чжэньнань-ван не собирается уходить, Цзи Цзиньжун, помедлив, спросил: Поход на юг прошел успешно? Хотя прежний владелец тела не смыслил в государственных делах, о том, куда направился Чжэньнань-ван, он знал.

Чжэньнань-ван следовал за ним, отступая на полшага, от него отчетливо пахло кровью. Цзи Цзиньжун взглянул на его серебряный доспех и заметил на нем багровые пятна — тот даже не удосужился отмыть кровь.

Все прошло успешно, главарь мятежников уничтожен, — ответил Чжэньнань-ван. Он незаметно сократил дистанцию, почти вплотную приблизившись к Цзи Цзиньжуну. — Я

вернулся через южные ворота, услышал, что Ваше Величество лично прибыли к северным, и поспешил сюда, даже доспех сменить не успел. Прошу прощения за свою невоспитанность.

Цзи Цзиньжун: ...

Если ты действительно считаешь это невоспитанностью, мог бы и не подходить так близко!

Но Чжэньнань-ван говорил с такой преданностью, его беспокойство было столь явным, что Цзи Цзиньжун не нашел, что ответить. Он лишь промолвил: Благодарю за усердие.

Чжэньнань-ван подвел рыжего коня к Цзи Цзиньжуну и сказал: Я добыл этого коня на севере. Хотел преподнести его вам во время официальной аудиенции, но раз уж мы встретились, пусть он послужит вам средством передвижения.

Цзи Цзиньжуну конь приглянулся, и он кивнул: Хорошо.

В глазах Чжэньнань-вана мелькнула улыбка, хотя внешне он оставался невозмутим.

Он держал коня за поводья, не сводя с Цзи Цзиньжуна обжигающего взгляда, но тему разговора сменил: Дело в Гоцзыцзянь очень странное. Если Ваше Величество доверяет мне, я готов разделить ваши заботы.

Цзи Цзиньжун притих.

Пусть это дело — не рук Чжэньнань-вана, но это не отменяло того факта, что власть его безгранична. Ощущения от него были неправильными: этот взгляд, словно впивающийся в него, был до боли похож на Вэй Тинцзюня, но в то же время гораздо более бесстыден, будто он раздевал его глазами, изучая каждый дюйм тела.

Это осознание повергло Цзи Цзиньжуна в ступор.

Бывший император был крайне распутен, порой они с Вэй Тинцзюнем заставляли его в самый разгар утех. Однажды они вместе увидели, как император предавался страсти с мужчиной в беседе. Вэй Тинцзюнь тогда был еще наивным юношей и чуть не вскрикнул, едва не выдав их — если бы не Цзи Цзиньжун, вовремя закрывший ему рот.

О плотских утехах Цзи Цзиньжун знал не понаслышке, хоть сам их и не пробовал.

А вот Вэй Тинцзюнь был настоящим простаком: поняв, что происходит, он покраснел до самых корней волос и, пылая от стыда, утащил его прочь.

Именно в этом была разница.

Чжэньнань-ван был очень похож на Вэй Тинцзюня, но Вэй Тинцзюнь никогда не смотрел на него так.

У Вэй Тинцзюня был любимый человек. Когда-то Цзи Цзиньжун пытался сосватать ему красавицу, но тот решительно отказался: У меня уже есть тот, кто мне дорог.

Он долго хотел увидеть избранника Вэй Тинцзюня, но так и не дождался этого дня.

Пока Цзи Цзиньжун витал в облаках, Чжэньнань-ван снова позвал его, словно подталкивая к ответу: Ваше Величество?

Вся власть в стране была в руках Чжэньнань-вана, разве мог Цзи Цзиньжун возразить? Он ответил: Хорошо.

Я буду своевременно докладывать вам о ходе дела, — сказал Чжэньнань-ван и протянул ему поводья. — Если у Вашего Величества нет других поручений, я откланяюсь.

Цзи Цзиньжун слегка кивнул и принял поводья.

Увидев это, Чжэньнань-ван улыбнулся еще шире, но голос его остался спокойным и естественным: Позвольте мне помочь вам сесть в седло.

Не успел Цзи Цзиньжун возразить, как широкая ладонь Чжэньнань-вана легла ему на пояс. Мощная, дикая мужская энергия окутала его, заставив спину покрыться мурашками.

Взгляд Чжэньнань-вана при этом оставался чистым, он с недоумением спросил: Ваше Величество? Его тон был полон невинности, словно он был просто неотесанным варваром, не понимающим, что сделал не так.

Неужели это давящее чувство агрессии было лишь плодом его воображения?

Цзи Цзиньжун был в замешательстве, но все же пришел в себя. Оперевшись на руку Чжэньнань-вана, он ловко вскочил в седло.

Чжэньнань-ван остался стоять на месте, провожая его взглядом.

Когда фигура Цзи Цзиньжуна скрылась из виду, он обернулся к Хэ Таю, который по-прежнему стоял, склонив голову: Тебе больше не нужно идти в конюшню.

Сердце Хэ Тая пропустило удар.

Чжэньнань-ван добавил: Будешь прислуживать Его Величеству.

Во дворце, как и при дворе, слово императора ничего не значило — решал только Чжэньнань-ван. Если он назначал евнуха на какую-то должность, это было величайшей милостью. Хэ Тай опустил на колени и поклонился: Слушаюсь.

Чжэньнань-ван, словно не заметив, что тот отдает ему почести, подобающие лишь монарху, зашагал в другую сторону.

Хэ Тай еще некоторое время стоял на коленях, после чего поднялся и побежал в управление внутренних дел менять назначение.

Тем временем Цзи Цзиньжун вернулся во дворец Чжэньнань.

Как только он спешился, кто-то тут же подбежал, чтобы забрать коня.

Оставшись в одиночестве, Цзи Цзиньжун постепенно успокоился. Он перебирал воспоминания «себя», обнаружив, что каждый раз при встрече с Чжэньнань-ваном прежний император дрожал от страха, и теперь было неясно, изменилось ли что-то с тех пор.

Цзи Цзиньжун понимал, что скрывается за этим взглядом!

Помимо амбиций, там таилось глубокое, всепоглощающее желание!

Он хотел спросить у того самого «высшего существа», кто же этот человек, если не Чжэньнань-ван, о котором все говорят как о будущем узурпаторе, но система молчала — казалось, она исчезла из его сознания.

Цзи Цзиньжун: ...

Неужели эта штука оказалась настолько ненадежной, что, забросив его сюда, просто растворилась? При мысли о том, что ему придется иметь дело с Чжэньнань-ваном, Цзи Цзиньжун почувствовал себя крайне неудобно.

Раньше ему приходилось экономить каждую минуту «ясного сознания», и времени на раздумья не было, да и больное тело не знало желаний.

Если Чжэньнань-ван жаждет не только трона, но и обладания этим телом, что ему делать? Цзи Цзиньжун всерьез задумался, не стоит ли обзавестись кинжалом для самообороны.

Кто бы мог подумать, что, избавившись от недугов, он обретет столько хлопот!

Вспомнив о Хоу Защитнике Государства и его внуке, Цзи Цзиньжун решил не возвращаться во дворец Чжэньян, а направиться в Императорскую медицинскую академию, чтобы узнать о его состоянии.

Лекари как раз осматривали Хоу, а Чжансунь Мэн в тревоге расхаживал из стороны в сторону, боясь дурных вестей.

Хоу Защитник Государства держался лишь на силе духа. Теперь, когда дело с Гоцзыцзянь улажено, а Цзи Цзиньжун проявил себя с неожиданной стороны, он наконец позволил себе расслабиться, и болезнь тут же взяла свое.

Цзи Цзиньжун с тяжелым сердцем подошел к столу и, обмакнув кисть в чернила, набросал рецепт. Это было лекарство, которое он часто принимал в прошлой жизни — Пилюли Долголетия. Название говорило само за себя: они помогали укрепить здоровье и продлить жизнь.

Разумеется, чудодейственного эффекта ждать не стоило — по крайней мере, они не помогли ему дожить даже до восемнадцати.

Однако в составе не было сильнодействующих компонентов, лекарство было мягким и вполне подходило для поддержания сил, вреда от него точно не было.

Он передал рецепт лекарям, сведущим в фармакопее.

Те уже закончили осмотр и поначалу отнеслись к инициативе Цзи Цзиньжуна скептически, но, взглянув на бумагу, застыли, словно замороженные.

Пилюли Долголетия были составлены безупречно!

Говорят, любое лекарство — это яд, но здесь все компоненты были сбалансированы так, что оставалось лишь очищающее и укрепляющее действие. Самое главное — ингредиенты были недорогими и доступными, их можно было производить массово, чтобы даже простой народ мог себе их позволить!

Глядя на надпись Пилюли Долголетия, лекари пришли в восторг, их глаза сияли. Они разом опустились перед Цзи Цзиньжуном на колени: Обретение этого рецепта — истинное благо для народа!

Цзи Цзиньжун: ...

Цзи Цзиньжун покинул академию под восторженными взглядами лекарей.

Он хотел привлечь на свою сторону клан Чжансунь, чтобы уравновесить влияние Чжэньнань-вана, но спешка была опасна.

Малейшая ошибка — и этот хрупкий росток, едва дышащий в тени великих, будет безжалостно вырван с корнем.

Как же все сложно.

Опечаленный, Цзи Цзиньжун вернулся во дворец Чжэньян и принялся молча переписывать книги — и для тренировки каллиграфии, и для лучшего запоминания.

Раз уж есть шанс вернуться в Великую Чжоу, нужно прихватить с собой хоть что-то полезное!

Надо заучить несколько трактатов, чтобы порадовать старого наставника, переписать рецепты для дяди — министра общественных работ, а главное — самому попробовать как можно больше местной еды, чтобы потом угостить маленького племянника!

Размышляя об этом, Цзи Цзиньжун проникся уважением к собственной заботе о старших и младших и решил, что в обед съест на порцию больше в качестве награды.

Пока Цзи Цзиньжун беззастенчиво хвалил себя, Чжэньнань-ван уже разослал своих людей схватить зачинщиков беспорядков.

Если бы Цзи Цзиньжун увидел этих людей, он бы сразу узнал их: эта выправка, эти движения — это же Лагерь Черной Конницы Вэй Тинцзюня! Все они были облачены в черные доспехи, и лишь их мечи отливали серебром.

Более того, каждый из них источал такую жажду крови, что мог бы командовать целым полком!

Окружив несколько поместий, воины Лагеря Черной Конницы быстро арестовали нескольких чиновников и членов императорской семьи.

Даже после воцарения нового императора многие не оставляли своих амбиций.

Услышав доклад, Чжэньнань-ван даже глазом не моргнул: Убить. Они должны понять, что этот трон не для них.

Но, — замялся докладывающий, — они не признаются, а у нас нет... — доказательств!

Чжэньнань-ван бросил на него взгляд и приказал другому военачальнику: Иди ты.

Тот ответил: Слушаюсь!

Чжэньнань-ван был доволен. Зачем нужны признания? Зачем доказательства? Нужно дать им понять: признают они или нет, есть улики или нет — если они посмеют дернуться, он убьет их без колебаний.

Докладывающий почувствовал, будто его душат, и не смог вымолвить ни слова. Он попытался возразить: Ваша Светлость...

Чжэньнань-ван прекрасно видел, что у того на уме: они боялись, что он потеряет расположение народа и не сможет привлечь на свою сторону чиновников и знать.

Но самого Чжэньнань-вана это ничуть не интересовало.

Займись подготовкой к осенней охоте, — приказал он. — Скоро придут послы тюрок, не хватало еще, чтобы случился какой-то конфуз, позорящий величие нашей империи.

Докладывающий помрачнел и поспешил исполнить приказ. Осенняя охота была не за горами, и действительно нужно было подавить всех этих смутьянов, чтобы они не устроили провокаций на глазах у тюрок.

Позор — это еще полбеды. Хуже, если они поймут, что власть в Великой Ци нестабильна, и воспользуются этим, чтобы вторгнуться в пределы империи и начать грабежи! Эти варвары, не знающие чести, были способны на всё.

Чжэньнань-ван приказал описать все обстоятельства дела и отправить это как чистосердечное признание в Гоцзыцзянь.

Как и сказал Цзи Цзиньжун, Ли Чжэньюань был невиновен. Поскольку он перед походом на юг открыто критиковал Чжэньнань-вана, а у него самого были разногласия с некоторыми студентами Гоцзыцзянь, его выбрали в качестве пешки. От грубых подстав и «предвзятости» до праведного гнева и массовых беспорядков — все было звеньями одной цепи, призванной создать хаос, в котором легко ловить рыбу.

Но они столкнулись с проницательным Цзи Цзиньжуном, а тут еще и он сам вернулся в столицу.

Заговор был раскрыт, а головы — сложены.

Вспомнив сияющие глаза Цзи Цзиньжуна, Чжэньнань-ван почувствовал жар в груди.

Он разрушил столько миров, взял на себя столько грехов — и все ради этого дня.

Ради дня, когда они встретятся вновь.

Его никогда не волновали чужие жизни или мнение — только один человек. Но небо решило забрать его.

Что ж, тогда он станет тем, кого само небо будет бояться.

Он заставит небеса вернуть его обратно.

Чжэньнань-ван вернулся в свою резиденцию, чтобы сменить окровавленный доспех. Переодевшись, он снова отправился во дворец, напрямик во дворец Чжэньян.

Хэ Тай стоял на коленях у входа в кабинет.

Чжэньнань-ван едва заметно улыбнулся. Пройдя мимо него, он вошел внутрь. Цзи Цзиньжун практиковался в каллиграфии — запястья его больше не казались такими слабыми, а кисть он держал уверенно.

Услышав шаги, Цзи Цзиньжун поднял голову.

В тот момент, когда он увидел Хэ Тая на коленях, он понял: весь дворец уже под контролем Чжэньнань-вана. Он — лишь марионетка, и каждый человек рядом с ним находится под присмотром, даже когда Чжэньнань-вана нет в столице.

Этот человек был не только дерзок, но и невероятно самоуверен.

Прислав Хэ Тая, он словно говорил: Я знаю, что ты хочешь использовать его, так используй, посмотрим, чего ты сможешь добиться.

Цзи Цзиньжун понимал, что его решение заставить Хэ Тая стоять на коленях было вымещением злости.

Если даже он ничего не мог поделать, то как Хэ Тай мог пойти против воли Чжэньнань-вана? Цзи Цзиньжун отложил кисть и позвал: Хэ Тай.

Тот вздрогнул за дверью: Я здесь!

Сходи в хранилище, принеси мне тушь, — приказал Цзи Цзиньжун.

Хэ Тай обрадовался, поклонился до земли и бросился исполнять поручение.

Слыша, как Цзи Цзиньжун отдает приказы, Чжэньнань-ван почувствовал, как внутри все сжимается — ему хотелось немедленно поглотить этого человека целиком.

Но нельзя пугать его. Цзи Цзиньжун не такой, как он, его путешествие только началось — нельзя давить слишком сильно.

Он опустился на одно колено: Приветствую Ваше Величество.

Наученный горьким опытом, Цзи Цзиньжун не стал помогать ему подняться, а просто встал: Не стоит, — его голос звучал спокойно. — Здесь только мы двое, обойдемся без церемоний.

Чжэньнань-ван все же схватил его за руку и поблагодарил: Благодарю за вашу милость. Но я кланяюсь не для других, — он крепко сжал руку Цзи Цзиньжуна, глядя ему прямо в глаза, — я кланяюсь для вас.

Цзи Цзиньжун почувствовал, как ладонь взмокла от пота. Его рука была зажата в мощной ладони Чжэньнань-вана, и по телу разливалось странное онемение, заставляя его вытянуться в струну.

На этот раз он даже не мог выругаться, опасаясь, что это лишь подстегнет дерзость Чжэньнань-вана.

Отпусти, — только и смог вымолвить он.

Встретившись с ним взглядом, Чжэньнань-ван пришел в еще больший восторг.

Не зря он — его император, его не так-то просто напугать.

Он не разжал пальцы, а плавно обхватил запястье Цзи Цзиньжуна: Вы слишком долго упражнялись в каллиграфии, запястья наверняка онемели. Я знаю точки, отвечающие за снятие усталости, позвольте мне размять их, и боль исчезнет.

Цзи Цзиньжун: ...

Чжэньнань-ван говорил так искренне, что на лице было написано: «Я забочусь лишь о вашем благе».

Кому ты врешь!

Цзи Цзиньжун от ярости покраснел до ушей, но, вспомнив, что тело не способно на внятные угрозы, а прежний владелец не был склонен к открытому бунту, он молча сел обратно и протянул руку.

Грубые, мозолистые пальцы Чжэньнань-вана скользили по нежной коже, словно он искал нужные точки, изучая каждый сантиметр его запястья. Лишь когда Цзи Цзиньжун не выдержал и попытался вырвать руку, Чжэньнань-ван с важным видом начал массировать нужные места.

Он нажимал на что-то такое, что запястье Цзи Цзиньжуна стало совсем ватным, и он не мог пошевелиться.

Может быть немного больно, — предупредил Чжэньнань-ван. — Если не стерпите, можете кричать.

Цзи Цзиньжун испепелял его взглядом.

Давление усилилось.

На лбу Цзи Цзиньжуна выступил холодный пот — было больно.

<http://bllate.org/book/22178/2310777>